

О ПЕДАГОГИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ “СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ” Н. Г. ГАРИНА-МИХАЙЛОВСКОГО

Воспитание является предметом педагогической теории, философской антропологии, психологии и других областей человековедения. Свои ответы на вопрос о сущности воспитания, его внутренних связях и значении в жизни (отдельного человека или всего общества) дает художественная литература. Сопоставление содержательного наполнения концепта “воспитание” в художественном и научно-педагогическом текстах позволяет, как нам представляется, уточнить и обогатить наши знания как в сфере педагогики, так и в сфере истории литературы.

Один из первых рецензентов повести Н. Г. Гарина-Михайловского “Детство Тёмы” отмечал, что она стоит “целого трактата по педагогии”. В чем же заключается разница между ответом на вопрос “что есть воспитание?”, предлагаемом в тетралогии Гарина, и тем, как отвечает на этот вопрос педагогическая (в том числе и современная) теория?

С нашей точки зрения, процесс становления личности Артемия Карташева, при всей его сложности и противоречивости, может быть прочитан как диалог с жизненными смыслами, предлагаемыми ему на различных этапах воспитания, употребление слова “диалог” в данном случае во многом меняет традиционные педагогические взгляды на воспитание как процесс овладения (присвоения, усвоения, интериоризации, интроекции) культурой посредством конкретного общения, взаимодействия, через которые индивид усваивает определенные образцы поведения, стремления, ценности и отношения. Воспитание, понимаемое как диалог с миром, актуализирует не столько феномен общения, сколько стремление человека оттолкнуться от каких-либо жизненных смыслов, определить свои собственные жизненные позиции. Конкретные ситуации воспитания в этом случае воспринимаются не только как определяющие становление каких-либо психических функций в аспекте деятельности индивида, как это обычно бывает в педагогической теории - “диалогический” аспект в первую очередь выделит в каждом акте воспитательного взаимодействия его изначальную проблемность, невозможность нахождения однозначных решений. Каждая конкретная ситуация - “урок жизни” - для ребенка

формулируется как вопрос: “Что это значит для меня? Что я буду делать со всем этим?”

Так, например, товарищеское окружение Тёмы “задает” мальчику огромное количество “вопросов”, самым главным из которых является явный конфликт тех ценностей, которые проповедуют кружок Корнева, где глава - дворянин и почитаемый в городе военный генерал. Что выбрать? Здесь, в этом проблемном поле - один из интереснейших моментов повести. Ведь “ответ”, который дает тема, очень неоднозначен. Он не принимает догматизма и поверхностности позиции, которая царствует в кружке Корнева, но, с другой стороны, не может не задуматься о причинах благосостояния своей собственной семьи. Его социальная позиция пока не утвердилась в качестве жизненного принципа, но он уже не может бездумно к ней относиться. Так формируется потребность в сознательном отношении к жизни. Товарищество требует догматического принятия “писаревского” взгляда на жизнь и активной работы в этом русле; семья стремится оградить ребенка от каких-либо “вредных” влияний, пытается привить Тёме идеал верности официальным гражданским идеалам. Тёма же в этом проблемном поле пока определяет для себя одно - невозможность прожить жизнь на уровне самообслуживания, мещанства, оставляя вопрос о гражданском служении для его собственного, но дальнейшего решения.

Другой пример - отношения Артемия Карташева с матерью, сложность которых видна даже товарищам Тёмы. Товарищи шутивно подтрунивают, но для самого Тёмы проблема должна решаться серьезно. В литературоведческих работах, посвященных анализу тетралогии, вопрос об отношениях Тёмы и Аглаиды Васильевны решается, в целом, так: Тёма захотел уйти из дома, потому что в какой-то момент почувствовал - мать “тянет” к “религии”, а товарищи - “к революции”. Действительно, с какой-то минуты Тёма уже не может не замечать, что мать “давит и гнетет”, “хватает так... за горло”, что он “дышать не может”. Тем не менее, очевидно, что социальный элемент в этой вечной проблеме “отцов и детей” отнюдь не является самым важным. Для Гарина важнее другое: вопрос об уходе из-под родительского влияния, его сроках и формах, вопрос, который рано или поздно также решает и каждый другой ребенок. Для Тёмы освобождение от опеки матери (“никогда больше”) явилось не результатом каких-либо ограничений его свобод, а определялось потребностью разобраться в себе. И мудрая позиция Аглаиды Васильевны, отпускающей своего сына - своеобразный “ответ” в

“диалоговой” воспитательной ситуации: “Я, может, и не укажу тебе дорогу... сам найдешь... Поезжай от меня... Да хранит тебя царица небесная!”

Так накапливает Артемий Карташев свой духовный опыт. Воспитание главного героя тетралогии Гарина Михайловского - это опыт диалога с жизнью. Педагогическая наука хорошо формализует воспитание как целенаправленный и организованный в специальных “воспитательных учреждениях” процесс; художественный текст, в свою очередь, показывает нам те воспитательные структуры, в которых ребенок не просто “воспитывается”, а “живет”. Анализ текста тетралогии “глазами педагога” подчеркивает важнейшую воспитательную реалию - факт того, что “воспитание в широком смысле” (К. Д. Ушинский) не в меньшей, а в гораздо большей степени сказывается на становлении самых фундаментальных личностных качеств человека.

В. В. Химич
Екатеринбург

РЕАЛИСТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Судьба реалистического направления в литературе XX века - одна из наиболее дискутируемых литературоведческих проблем. Феномен “неореализма” все еще не получил завершающего истолкования, а характер взаимодействия реализма со смежными направлениями и течениями выяснен лишь отчасти: идея “синтеза” представляет лишь абрис явления.

По-прежнему актуальной следует считать задачу выяснения того, **каким образом пошло развитие реализма после 1917 года.** Объяснение этого процесса простой заменой “умершего” критического социалистическим реализмом, как известно, не соответствует реальности. Думается, что именно с этого момента движение реалистического направления пошло одновременно по нескольким руслам, а своеобразия развития каждого из потоков было связано с различными по сути концепциями личности, сложившимися в общественном и философском сознании первых послереволюционных лет.

Первая и самая авторитетная концепция укрепилась на основе марксизма и исторического материализма с их идеей революционного деяния и уверенности в возможностях переделки мира. Личность при